

© Калёнова Е.О.

10. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения / [Пер с древнекитайского М. А. Блюменкранца]. — М.: Фолио, 2006. — 958 с.

Калёнова Е.О. – аспірантка кафедри філософії та соціології Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК: 140.8:36.6

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО И ПСЕВДОЭЛИТА.

В статті аналізується стан сучасного суспільства через призму системної соціальної кризи – перед усім, кризи еліт. Ведеться пошук причин занепаду соціального життя та можливості подолання кризи. Стверджуються, що європейська цивілізація і українське суспільство зокрема переживає фазу обскурації та втрати пасіонарності, кризи еліт і соціальності у цілому.

Ключові слова: криза еліт, псевдоеліта, етногенез, фаза обскурації, антиселекція

В статье анализируется состояние современного общества сквозь призму системного социального кризиса, и, прежде всего, кризиса элит. Ведется поиск причин упадка социальной жизни и возможности преодоления кризиса. Утверждается, что европейская цивилизация и украинское общество в частности переживает фазу обскурации, утраты пассионарности и социальности в целом.

Ключевые слова: кризис элит, псевдоэлита, этногенез, фаза обскурации, антиселекция,

In the article the state of modern society is analysed through the prism of the system social crisis, and first of all, the crisis of the elite. The research of the reasons for the fall of the social life and the possibility to overcome the crisis is accomplished. The statement is made about European civilization and the Ukrainian society in particular runs through the phase of obscuration and the loss of the passionarity and the sociality in general.

Key words: the crisis of the elite, pseudoelite, ethnogenesis, phase of obscuration, antiselection

Мы вступили в эпоху информационного общества, где одной из основных ценностей является информация, возможность доступа к ней и скорость информационного потока в повседневной жизни индивидов. Казалось бы, распространение сети Интернет и глобализации могло бы стать особым основанием для консолидации гражданского общества и национальных сообществ. Тем не менее, общепризнанно, что современное украинское общество катастрофически разделено, и с течением времени находится все больше поводов для разделения. Этому в немалой степени способствует деятельность правящей элиты, «вбрасывая» в общество всё новые поводы для разъединения народа, вместо того, чтобы найти в себе силы проявить волю к национальному консенсусу. Политические игрища повышают градус социального напряжения, в конечном итоге безответственная игра элит может привести к открытому гражданскому конфликту и тотальному слому общественной системы, а вместе с ней – и распаду общества как единого целого. В последнее время достаточно просмотреть новостную ленту и криминальные сводки, чтобы убедиться в том, что существующая модель общества - если таковая существовала в теоретическом виде – терпит крах, причем во всех направлениях социальной системы. Дальновидный исследователь сможет увидеть далеко не радужные перспективы эскалации разъединяющих тенденций, особенно в условиях системного кризиса власти и, как следствия, развала основных социальных институтов: семьи, образования, здравоохранения. Единственным решением, способным отдалить слом общественной системы и уберечь общество от взрыва социального негодования и развала является тотальное реформирование не только политической элиты, но и структуры отношений между обществом и властными элитами и связанной с этими процессами смены идеологических и ценностных ориентиров.

Трудно назвать хотя бы одну из социальных сфер, которая не была бы затронута кризисным состоянием украинского общества. И на индивидуальном, и на коллективном уровне произошла коррозия основных ценностей всякого здорового общества, потеряли смысл максимы служения своему народу, любовь к Отечеству воспринимается как жалкий анахронизм и препятствие в получении пропуска в общество всеобщего потребления. Наше общество стремительно

атомизируется (Х. Арендт, К. Ясперс), превращаясь в скопление индивидов, не способных даже в своем воображении связать свою судьбу с судьбой страны, в которой им довелось жить.

Не прошла даром и та ситуация, в результате которой наше общество было одномоментно ввергнуто в систему новых рыночных отношений, на телеэкраны ворвалась западная массовая культура с пропагандой ценностей безудержного гедонизма и тотального потребительства. Можно сказать, что мы наблюдаем картину национального упадка, развития социальной усталости и социального пессимизма. Выдающийся историк и исследователь этногенеза, Л. Гумилев, описывая подобное состояние социальной системы, называл это состояние «сумеркам этноса». Во время этой стадии упадка, как и в предшествующие стадии, господствуют группы по принципу антиселекции («негативный отбор»). «Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность», и в таких условиях, задающих с точки зрения развития этноса фальшивый тон, большинство народа в ситуации утраты нравственной доминанты оказывается попросту «неполноценным, а значит и неравноправным».[1, 434] В таких условиях говорить о демократическом развитии будет преувеличением, если не лицемерием. В этой сумеречной фазе господствует паразитирующий на народном теле социально пассивный тип «жизнелюба» (по Гумилеву), главными характеристиками которого являются нетворческое и нетрудолюбивое отношение к жизни, однако, с повышенным требованием к жизни (императив комфорта). Обывательщина – явление негативное в развитии общества, и доминирует лишь на стадии упадка, или «заката» (по Шпенглеру). Подобный тип обывателя обладает ни желанием, ни способностью что-либо созидать, ни сохранить. «Они разъедают тело народа, как клетки раковой опухоли организм человека», и по законам развития болезни, погибают сами вместе с гибелью донора.

Собственно, по определению, данным в работе «Этногенез и биосфера Земли» (1979), Л. Гумилев понимает под этногенезом «весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности».[1, 500]

Предлагается четко разделять понятия популяции как совокупности особей одного вида, населяющее в течение ряда поколений определенную территорию и понятие этноса как системы, состоящей не только из особей, но и продуктов их деятельности в течение многих поколений – техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции. Таким образом, этнос как категория анализа применима исключительно к человеческому сообществу, в отличие от зоологической популяции. К тому же, этнос вырастает из консорции – группы людей, сплавленных общей исторической судьбой, следовательно, онтологически сплетенных в историческом времени, независимо от пространства (возможно существование в диаспоре). Низшим таксоном в этнической иерархии Гумилев называет конвиксию как объединение «особей, занятых общим бытом и семейными связями».

Если пассионарность можно сравнить с пылающим огнем, то снижение и утрата её сравнивается с остыванием и замерзанием в эпоху распада этноса. Итак, в фазу «остывания» этноса, происходит оскудевание пассионарной силы этносоциальной системы. [1, 425] Как следствие, вместо традиционных ценностей на поверхность выступают ценности обывателя: обеспечении базовых потребностей, конформность и императив потребления. В этой фазе этнос теряет связь с почвой, потребление становится хищническим, идет демографический спад [1, 433].

Автор концепции этногенеза обращался к примерам древних царств и их упадка, считая, что «народы Европы, как Западной, так и Восточной, не настолько стары, чтобы впасть в состояние маразма»[1, 434]. Можно сказать, что это фаза не столько маразма, сколько помешательства на фоне безответственного потребительского паразитирования в среде, созданной предшествующими поколениями. Тем не менее, есть основания для усмотрения сумеречной фазы в развитии современного общества эпохи глобализации. Состояние обскурации, в которой оказываются не востребованы активные пассионарии, имеет плачевные последствия для цивилизации либо в виде перерождения суперэтноса в реликтовый, либо рождение нового этноса путем «переплавки», при этом практически утратившего историческую память о былом. В данной статье не преследуется цель полностью и глубоко изложить теорию этногенеза Л.Н. Гумилева, но представляется возможным применить ряд продуктивных метафор в отношении анализа современного состояния общества в целом и, в частности, в отношении украинский реалий.

Также размывание ценностных ориентиров не позволяет людям занимать стойкую нравственную позицию, и они, прикрываясь прагматическими аспектами, отказываются как от попытки осмыслить социальную реальность, в которой они живут изо дня в день, так и от осмысления себя и своего места в ней.

В социальной науке сегодня возникла теория «глобальной трайбализации» в связи с осмыслением явления глобализации как таковой. Вместо консолидированного общества, объединённого общей целью, общими ценностными установками и общим прошлым появляются обособленные группы («племена») нацеленные на удовлетворение локальных и сиюминутных интересов. В политической сфере трайбализм можно соотнести с явлением «кумовства», когда фактически политическая элита состоит из людей, основным качеством которых является лояльность, а не выдающиеся достижения или профессионализм. Таким образом, политическая элита вырождается, превращаясь в шайку людей, связанных корыстными интересами, часто противоречащих общему благу. Это явление вырождения способствует социальной дезинтеграции общества, порождает аномию, недоверие к государственным структурам и полную социальную апатию, которая, впрочем, может обернуться взрывом народного негодования и разрушения всей хрупкой структуры общественного бытия.

На кого же можно рассчитывать в данных условиях, откуда придет спасительная надежда на благоприятный прогноз цивилизационного кризиса? Некоторые исследователи предлагают ввести понятие «креативный класс» как наиболее точное, указывающее на интегрирующие признаки его представителей – креативно-творческую деятельность и креативно-творческое отношение к жизни. До этого представителей креативного класса выделяли как «модернизационный класс», «инновационный класс», класс экспертов, профессионально-административный класс или «новый класс».

Термин «новый класс» был введен в социальную мысль М. Бакуниным и использован им в работах «Кнута-Германская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия» (1907). Бакунин, анализируя возможные социальные последствия марксистского сценария социализма, писал о том, что будущее некапиталистическое правительство не будет довольствоваться только политическим правлением, но будет управлять также экономически, что потребует необъятных знаний.

С конца 30-х годов XX века в ряде социологических работ появляются утверждения о том, что новый класс – это класс бюрократии, технократов, менеджеров. Однако теории, делающие акцент в содержании нового класса на высокообразованных слоях населения, а также на их специфической культуре, становятся распространенными только в 60-е годы XX века. Наиболее вероятными причинами этого являются качественные сдвиги в обществе, связанные с трансформацией личности, социальных связей, общественных возможностей, мировоззрения.

В рамках концепций «нового индустриального» и «постиндустриального общества» неконсервативный поворот получает развитие прежде всего благодаря работам Дж. Гэлбрейта и Д. Белла, интерпретирующих всемирную историю сквозь призму технологии и знания. Во второй половине 1960-х годов социолог и политолог Д. Белл наряду с ведущими западными социологами занимается разработкой теории постиндустриального общества, для которого характерны преобладание занятости в различных сферах обслуживания и духовного производства, переориентация экономики и культуры на удовлетворение преимущественно культурных потребностей. Д. Белл утверждает веру в фундаментальную роль ученых в постиндустриальном обществе. Он полагает, что в современную эпоху научно-теоретическое знание становится главной силой экономического роста и социального прогресса и открывает дорогу новому социально прогрессивному «классу знания». Вводится новый принцип управления – меритократия, позволяющий устранить бюрократию и технократию (благодаря избранию на руководящие посты лиц в зависимости от их заслуг и способностей), а также изменить классовую структуру общества в целом. Внимание акцентируется на принципиально новом содержании класса, стремящегося в силу объективных факторов стать новой исторической элитой в условиях постиндустриального общества

Элвин Гулднер в своем труде «The Future of the Intellectuals and the Rise of the New Class» (1970) оперирует понятиями «новый класс», «интеллектуалы», «интеллигенция». Выделяя новый класс, он включает в его состав техническую интеллигенцию, представителей гуманитарных и «свободных» профессий, обращая внимание на то, что именно они контролируют культурный капитал, и привилегированное положение в обществе определяется их ролью в передаче знаний. Гулднер совершает одну из наиболее убедительных попыток препарировать новый класс, найдя их объединяющее начало в присущей им «культуре критического дискурса». Создающееся сообщество в его понимании уже имело особый язык, училось отстаивать свои интересы и потребности, которые постоянно растут, и контролировало сферы производства и обслуживания. Оно, по мнению Гулднера, не просто являлось средоточием революционных потенций, но и главной революционной силой в

обществе [5, 28–57].

Известный американский социолог Кристофер Леш в своей книге «Восстание элит и предательство демократии» говорит, что ядро формирующегося класса определяется не столько уровнем доходов и идеологией, сколько образом жизни [4, 40]. Попытки определить новый класс, состоящий из служащих государственного аппарата и политтехнологов, неукоснительно проталкивающих некую программу либеральных реформ, оставляют без внимания саму широту политических взглядов среди элит. Эти группы составляют новый класс лишь в том смысле, что их средства к существованию обеспечиваются не столько обладанием собственностью, сколько манипулированием информацией и профессиональной эрудицией. Вложение денежных средств в образование и информацию, а не в собственность, отличает их от богатой буржуазии, доминированием которой характеризовалась более ранняя стадия капитализма, и от старого класса собственников – среднего класса в строгом смысле этого слова, который некогда составлял основную массу населения

Французский философ и социолог Ж.Бодрийяр делает акцент на социальном аспекте симуляции. Он говорит об утрате самой социальной реальности, на место которой приходит гиперреальность. Симуляция заключается в том, что «все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное (причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются именно постольку, поскольку не обмениваются больше ни на что реальное)» [7; 52]. Человек покупает часы, не чтобы время узнать, он их покупает, чтобы показать свою «статусность» и «респектабельность». «Всюду идет одно и то же «порождение симулякров»: взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях массовой медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на всех уровнях значения» [8; 55].

Социальность, выражаемая в различных формах социальных отношений (по вертикали и горизонтали социальной структуры общества), трансформируется, меняя привычные модели выражения. Социальность может быть не проявлена активно вовне, но это лишь вопрос времени и потенциальной возможности к действию. Именно в социальном действии выражается социальность как общий признак членов общества и их солидарная консолидация. До тех пор, пока социальность не приобрела форму социального действия, о её реальности говорить не приходится, лишь о виртуальном статусе. Виртуализация и симулякризация социальной реальности приводит к тому, что размываются критерии и параметры социальных координат, а утрата трансцендентального означающего уплощает саму многослойную фактуру социальной реальности, превращая её в следы на песке..

Социальное действие является проявлением и высшей точкой трансформации социальной идентичности, её *modus vivendi* и *operandi*. Однако прогнозы относительно конца социального как имеющего реальную подоплеку, человека как пустого понятия, и следовательно, концепта с нулевым означающим, сведение социальности к актам коммуникации – симуляции, к симуляции коммуникации, постепенно оправдываются. Социальность схлопывается в многочисленных неуловимых формах симулятивного пространства, размывается под воздействием манипуляций кукловодов, которые искусно выдвигают новомодные симулякры-пустышки *ad hoc*, будь то очередные выборы или лоббирование интересов клановых групп.

Соответственно, политическая элита в современном украинском обществе является закрытым клановым клубом, членство в которой может быть предоставлено лишь тем, кто готов поддерживать сложившийся статус-кво системы, ни в коем случае не посягая на коренные преобразования на благо народа и во имя процветания страны. Нынешняя властная элита пользуется понятиями «благо общества», «социальное государство», «патриотизм», «родина» только для того, чтобы развеять оправданное общественное подозрение в мошенничестве. Когда вместо народа электорат, когда вместо настоящих лидеров во власть подбираются случайные люди, готовые защищать лишь узкие интересы стоящих за ними групп, общество продолжает существовать лишь номинально, становясь лишь удобным инструментом господства и подчинения. Общество рассыпается, потому что воля к объединению угасла в силу утраты доверия к социальному как тому, что является гарантией существования общих интересов и целей, не говоря уже о таких концептах, как судьба и предназначение народа. Псевдоэлита, обладая властными полномочиями, приватизирует сферу социального, таким образом контролируя её, а также, по мнению Ю. Хабермаса, теоретика коммуникативного действия – рефеодализируя её. Ж. Бодрийяр писал об этом процессе, характеризуя его как имплозию социального – размывание границ, в том числе и политических, когда политические функции перехватываются частным интересами, осуществляя идеологический

контроль в обществе через СМИ и через «своих» людей во властных структурах.

Украинский исследователь Ю. Мелков полагает, что, в отличие от традиционного представления об элите как о «лучших из лучших», современная элита в условиях неосословного и нефеодалного общества формируется на основе «антиценностей». Также, по его мнению, украинское современное общество можно называть сословным в виду «исчезновения общедоступного социального пространства», которое монополизировала псевдоэлита, и «корпоративизацией социальной ответственности». Неосословное разделение украинского общества произошло в результате отказа элиты от идеи служения своему народу. Элита все больше маргинализируется и денационализируется, отрываясь от собственного народа как устремлениями, так и образом жизни. А.Зиновьев предлагает не адаптироваться к антиценностям псевдоэлиты, а максимально оградить неосословную властную элиту от общества путем возрастания автономии и самодетерминации индивидов.

Таким образом, мы становимся сторонними наблюдателями «нового закрытого общества», не потому, что оно отрезано от внешнего мира (К. Поппер), но потому, что «... группы внутри него отрезаны друг от друга. Оно проявляет жестокость не только в плоскости «вертикальных» отношений (пресловутая «вертикаль власти»), но и плоскости отношений горизонтальных. Индивидуумы, равные с точки зрения их социального статуса и социально-культурного капитала (то есть те, кто стоит на одной и той же ступени в вертикальной иерархии), вероятнее всего, займут строго дифференцированные места в сети горизонтальных отношений ... Например, большое значение, вероятнее всего, будет придаваться различию между поколениями»[9, 49].

Современное состояние понимается, конечно же, как индустриальное, рыночно-капиталистическое, урбанизированное, индивидуализированное-атомизированное, узкообразованное «общество» чрезвычайно активных эгоистов-потребителей с чисто прикладной моралью, находящееся в состоянии войны с традицией, войны с прошлым. То, что это именно так, что концепция модернизации носит характер подрывной идеи, отчётливо видно из творений самих «модернизаторов».

Известный американский социолог К. Лэш определил нынешнее "постмодерное время" именно как "восстание элит и предательство демократии" по аналогии с работой Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс».

Например, если раньше элитарность характеризовалась такими качествами, как оседлость, патриотическое отношение к определенной местности, благородный приоритет долга над правами, благородство и меценатство, то нынешние представители элиты скорее соответствуют худшим образцам "масс" в описаниях Х. Ортеги-и-Гассета и Н. Бердяева: имеют кочевнический способ жизни, разнятся как отсутствием уважения к традициям и непризнанием собственных обязанностей, так и, особенно, сознательной изоляцией от всего остального населения, исключили себя из "общей жизни", одновременно, как заметил канадский мыслитель К.Б. Макферсон, упиваясь властью частной собственности, с помощью которой "элитарный человек" может исключать других из использования чего-либо [2, 184-185].

Условия для трансформации, рождения "нового мира" возможны лишь только тогда, когда "элитарный человек" почувствует неутолимую тягу "... ко всему настоящему, подлинному и первоначальному, а также отрицание им собственной культуры как неподлинной и ненастоящей... Есть историческая ирония в том, что романтическое стремление к первичности опыта оборачивается умножением неверных копий, касающихся иных миров или экзотической изнанки собственного мира, которые принимаются за безусловную и единственную подлинность" [6, 166]. Массы, не входящие в круг вышеупомянутой "новой элиты", не имеющие собственной идентичности, собственного языка и самосознания, полностью и искренне (и таким образом, в иллюзии) могут считать себя представителями элиты (например, считая, что достижение успеха – только дело времени) и идентифицировать свои интересы с интересами "новой элиты".

"Новая элита" принципиально закрыта для всех, кто способен по-настоящему исповедовать какие-то идеалы, традиционные ценности, она противостоит социальному пространству, агрессивно отделяется от него, "приватизируя" именно социальное пространство ("рефеодализирует социальную сферу", по Ю. Хабермасу; "социальность растворяется симулякрами", по Ж. Бодрийару), убивая его старую форму – "национальное государство", и используя информационное пространство как для набрасывания своих "антиценностей" лишенной возможности говорить "массе", уничтожая по ходу и место для самовоспроизведения традиционной "элиты знаний и компетенций" – университет, так и для укоренения в массах убеждения, что нет альтернативы тотальному консьюмеризму и

удовольствию от зрелищ [10].

По большому счету, псевдоэлита, отрываясь от массы народа и не находя поддержки в народной среде, обращается к внешним источникам легитимации, в конечном итоге расплачиваясь национальным суверенитетом. Этот процесс предательства демократии идет широким ходом не только в украинском обществе, а и во всем мире. Современный либерализм, или же неолиберализм, предаёт «великую гуманистическую традицию», «предал ценности европейского рации», «дал карт-бланш сбросившей все «оковы» зоологической чувственности», а также «предал важнейший принцип Просвещения – единого большого социального пространства». По признанию Панарина, эти процессы свидетельствуют о десоциализации человека как отказа от норм и требований социальности, демонтаж всей системы классической социализации [3, 256]. Фактически, можно констатировать начало мировой гражданской войны, пока ещё «холодной» в большинстве своих многочисленных очагов. Глобализация и связанная с ней идеология неолиберализма подрывает хрупкое национальное согласие между элитами и народными массами, прокладывая пропасть между стремительно глобализирующейся элитой. Вопрос выхода из цивилизационного тупика состоит в новой социально-экологической аскезе под эгидой программы экологической заботы о национальной территории. Доминанта экологизма может стать путеводной звездой на пути свержения компрадорских режимов, торгующих национальным суверенитетом, способной прервать практику гедонистически-потребительского отношения к окружающей среде в целом, включая и человека как элементы общей системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гумилев Л.Н. этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1990 – 528 с.
2. Мелков Ю. Пострадянське суспільство: Нове Середньовіччя // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – №3. – С.184-185
3. Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 416 с.
4. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. — М: Издательство "Логос", Издательство "Прогресс". 2002. - 224 с.
5. Гулднер Э. Будущее интеллектуалов и восхождение Нового класса. Реферат // Синтаксис. 1987
6. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: НЛЮ, 1998
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато // Альманах "Восток" [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm
9. Келли К. О решетках и группах: альтернативный взгляд на «открытые» и «закрытые» общества / Пер. с англ. // Новое литературное обозрение. – 2009. – №6 (100)
10. Голобородько А. Постмодерн против Революции // [Электронный ресурс] — Режим доступа <http://www.pravaya.ru/look/4277>

Кравченко А. А. – кандидат історичних наук, докторантка Національного педагогічного університету імені М. Драгоманова.

УДК: 2:396

ТВОРЧИСТЬ ЯК ІМАНЕНТНА СКЛАДОВА ОСВІТНЬОГО ПРОЦЕСУ

В статті розглядається проблема творчої особистості в освіті постіндустріального суспільства. Без творчості немає особистості, а без неї креативного мислення, професійної компетентності і смислу, без якого життя людини стає безглуздом.

Ключові слова: *освіта, творчість, особистість, мислення, навчання.*

ТВОРЧЕСТВО КАК ИММАНЕНТНАЯ СОСТАВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается проблема творческой личности в образовании постиндустриального общества. Без творчества нет личности, а без нее – креативного мышления,